

И.С. Бутаков

0+

Тайны Чудесного леса

Пушистый еж

Иван Бутаков

**Тайны Чудесного
леса. Пушистый ёж**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бутаков И. С.

Тайны Чудесного леса. Пушистый ёж / И. С. Бутаков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В Чудесном лесу, в котором долгие годы не обитают хищные звери, ежи живут своей размеренной жизнью с ее причудливыми обычаями и традициями. Маленький ежонок Герман, самый младший в большой семье Грей, переживает из-за отсутствия колючих иголок, уже появившихся у всех его сверстников. С пышной шевелюрой вместо колючек он чувствует себя не таким как все. Он познает мир вокруг, ищет ответы на свои вопросы, учится любить и дружить.

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Школа	8
Глава 3. Кем не быть или быть некем?	12
Глава 4. Список Германа	16
Глава 5. Мистер Гриб и таинственное исчезновение подушки	21
Глава 6. Дедушка Леонард	26
Глава 7. Голод на выдумки хитер	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Пробуждение

Когда самый первый лист на дереве в Чудесном лесу, обогнав всех своих собратьев, распустился из своей почки и лениво потянулся к солнцу, остальные, тут же последовавшие его примеру, начали наперебой разговаривать друг с другом. Лес будто ожил после долгой зимы, повсюду журчали ручьи, пели птицы, зевая и ворча, просыпались медведи, белки выходили на ветки поприветствовать соседей, приход весны не оставлял равнодушным никого и ничего. И в этот самый день 'пробуждения', когда все вокруг шумело и галдело, не было места тише огромного старого дуба, под корнями которого, за плотно закупоренной дверью, просыпалось семейство ежей Грей.

Солнце было уже высоко, когда младший из семейства Грей, Герман, едва раскрыв глаза, растянулся в широкой улыбке. Сегодня для него был особенный день. День, когда он из маленького серо-розового с белым пушком ежонка превратится в зрелого колючего Ежа. Восторг переполнял его. Одним рывком он скинул с себя одеяло, и пока оно плавно парило над кроватью, добежал до зеркала и включил свет. Вот оно. Точнее он. Новый он. Взрослый он. Все с теми же яркими детскими глазками, той же серо-розоватой кожей, мягкими, как шелк белыми иголками... с мордочкой полной недоумения, смотрело на него отражение из зеркала. Простояв неподвижно какое-то время, Герман отправился в столовую, откуда уже доносились голоса его родных.

Как уже говорилось выше, Герман был младшим ребенком в семье. У него было четыре старших брата и пять старших сестер. Все они жили в небольшой деревушке на окраине Чудесного леса, в доме под огромным дубом со своими родителями, мистером и миссис Грей. Деревня хоть и была небольшая, имела при себе многие удобства современной жизни в нашем с вами понимании. Взрослые ежи работали, ежата учились, а получив достаточные для них знания основных наук, принимались за освоение своих будущих профессий. Свободное от занятий время проводили играя на улице или дома в подвижные игры, такие как догоняшки, догонялки, салки, обгонялки, кажущиеся на первый взгляд одной и той же игрой, но имеющие различные ограничения или преимущества. На заднем дворе школы играли в полбу, игра с мячом, правила которой настолько запутанны и непонятны, что взрослым ежам, даже с самой развитой фантазией, было ни за что их не понять. Название говорило само за себя и происходило от пяти основных правил игры – Пинай, Отбивай, Лови, Бросай и Убегай.

Пока дети развлекались, почти вся деятельность взрослых была направлена на подготовку к зиме, которую они проводили в спячке. Они заготавливали запасы еды на всех жителей деревни для подготовки к спячке, ведь перед этим нужно хорошенько наесться, чтобы не проснуться раньше времени от голода и холода. Также им нужно было подготовиться к весне, с приходом которой, проснувшись и сильно исхудав, они не сразу смогут найти, что поесть. Ежи хорошенько утепляли все домики, следили за тем, чтобы двери в них закрывались плотно. Тщательно, по особой инструкции, передаваемой из поколения в поколение, готовили хранилище, где зимовало все заготовленное ими. Но было время, когда и они предавались безделью – несколько дней после пробуждения от спячки. Тогда ежи праздновали приход весны, опустошая запасы, накрывали шикарные столы, собирали вокруг них свои семьи. С такой радостью и трепетом они встречали друг друга, будто не виделись вечно, хотя время, проведенное в спячке, длилось для них не особо длиннее самой обыкновенной ночи.

Вот и сейчас семейство Грей собралось почти в полном составе. Папа еж со старшими сыновьями сходили к хранилищу за едой, а мама с остальным семейством занималась сервировкой стола, после чего все расселись за свои места и приступили к праздничному обеду.

Во главе стола сидел папа еж и мама ежиха, от них сидели ежата от младшего Германа до самого старшего из его братьев. Один стул всегда оставался пустой и предназначался их

дедушке, который не любил шумных обедов, предпочитая возиться в саду. Обеды и вправду были шумные. Ежата могли не просто говорить с полным ртом, а чуть ли не орать, пытаясь перекрыть друг друга, за что получали целую кучу замечаний. Баловство заканчивалось, когда папа еж вставал, сменив добродушную улыбку на негодующий грозный вид. Ежата сразу затихали, и дальше ели молча, до тех пор, пока кто-нибудь не начнет интересный разговор, который все обязательно поддержат, ведь никому не хочется есть в тишине, тем более в такой большой и дружной семье. Порой главе семейства Грей за обед приходилось вставать раз десять.

После пышного обеда все жители деревни выходили на первую после спячки прогулку. Словно кроты, вылезшие из своего подземелья, они шурились и прикрывали глаза лапами. Соседи, родственники и друзья, ежи радостно приветствовали друг друга. Взрослые обсуждали список предстоящих дел, а ежата как они выросли и чему новому научились, став старше. Будто всю зиму не спали, а тренировались. Именно этого обсуждения и боялся Герман Грей больше всего. Ему то и похвастаться будет нечем, вместо того чтобы наконец-то стать колючим, он стал еще шелковистее, чего ужасно стеснялся. И потому, традиционной прогулке предпочел остаться дома. Сидя в своей комнате, он наблюдал за происходящим на улице. Некоторые из ежат его возраста попали в его поле зрения. Их острые колючки блестели на солнце, такие тонкие, но такие жесткие, большинство из них стали колючими еще до спячки. Остальные же, написали это на листочке бумаги как свое заветное желание и, сунув сверток под подушку, предались большому сну. Эта древняя традиция среди маленьких ежат была очень популярна. Те же, кто не умели писать, свое желание могли нарисовать.

Герман умел писать, но его желание к этому чудесному утру исполнено не было. В голову лезли разные мысли, от самых простых, что еще не время, до самых витиеватых, что он вообще не еж, а подобранный папой с мамой неизвестного рода зверек. Быстро прогнав унылые мысли прочь, он достал сверток со своим желанием из-под подушки и принялся проверять его на наличие грамматических ошибок. Желание было сформулировано просто и не двусмысленно – стать колючим, ни единого намека на шелковистую шерстку, которая покрывала маленького ежа.

Время за размышлениями пролетело незаметно. Родители вернулись домой, а братья и сестры Германа остались гулять, придя лишь к ужину, за которым семья вновь собралась вместе. Перед сном ежонок снова сунул под подушку сверток с желанием. До начала занятий в школе оставалась пара дней, и Герману ужасно не хотелось предстать перед одноклассниками пушистым младенцем. Как бы его вообще не перевели в младшую группу, думал он. В надежде на чудо, он погрузился в сон, а когда проснулся, то, увы, чудо не произошло. Как не произошло и следующим утром. И утром того самого дня первых занятий в школе. Чудо либо упорно игнорировало несчастного ежонка, либо до сих пор спало и не знало о его проблеме. Второй вариант казался предпочтительнее.

Беззаботные дни подошли к концу. В то время как для маленьких ежат это было началом длительного изнурительного учебного года, для взрослых ежей означало радость от труда. Ежата никак не могли понять чувства усталости взрослых от ничегонеделания, а уж тем более от дуракаваляния. Пока одни с нетерпением считали часы до окончания праздников, ожидая выхода на работу, другие с тоской смотрели на медленно опускающееся за лес солнце.

Тем временем лес постепенно приводил себя в порядок после долгого сна. Деревья обросли сочной зеленью, лужи от талого снега сошли, оставив после себя густые ряды травы. Чудесный лес, в который уже давно не совал нос ни один хищный зверь, был особенно красив в это время. Даже кроты, обитатели длинных подземелий, высовывали свои прищуренные мордочки на поверхность, вдыхая свежий запах леса.

Среди всего разнообразия звуков и ароматов, каждый обитатель находил что-то родное, любимое, что за много километров напомнит о доме, согревая тоскующую душу, находил причину для радости, хотя причина этому одна, и называется она простым словом – "весна".

Лишь для одного Германа весна не приносила таких светлых чувств. В оцепенении стоял он перед зеркалом, трогая мягкую пушистую шерстку вместо колючек. Рядом, на столе, лежал скомканный сверток с желанием, снизу доносился суетливый топот ног. Все семейство рыскало по дому, готовясь к первому учебному, а для кого и рабочему дню. Времени оставалось мало. Погруженный в уныние Герман, присоединился к хватающим набегу завтрак, остальным членам семьи, выслушал одиннадцать пожеланий хорошего дня и остался на кухне один. Входная дверь заскрипела, выпустила на улицу потоки спешащих ежей и, впустив в дом прохладный утренний воздух, захлопнулась. Дом опустел, своим безмолвием вторя скучающему ежонку. Герман не спеша собрался, схватил свой школьный портфель и неохотно последовал за остальными.

Глава 2. Школа

Школа находилась через улицу от дома Греев. В стволе могучего дерева полукругом стояли столы огромной аудитории, посреди которой, подобно цирковой арене, располагалась учительская трибуна с доской и столом.

Все занятия в школе проводил Мистер Гриб. Неординарная личность. Говорят, что Мистер Гриб получил свое имя от дикой любви к грибам. О нем ходило множество слухов. Некоторые из них утверждали, будто это он основал деревню, прогнав из этих мест лис, другие, что он, возвращаясь с очередной охоты на мангустов, проходил мимо этой деревни и спас ее обитателей от стаи соколов. Были и те, кто рассказывал, будто он так любил грибы, что построил из них себе дом, да не просто дом, а целый дворец с восьмью спальнями и тронным залом, а когда в следующем году был сильный неурожай, он прокормил всю деревню, разобрав свой чудный дворец. Сам же он не любил говорить о своих подвигах, был в меру скромнен и очень воспитан. В школе мистер Гриб преподавал уже много лет; учил детей чтению, письму, математике, этике и искусству выживания в лесу.

Первое занятие после зимней спячки начиналось с продолжительной гимнастики на свежем воздухе. Всю разминку Герман стыдливо простоял за деревом. Увидев, как другие его одноклассники обросли колючими иголками, ему стало так неудобно и грустно. В голове вертелась картина, как он стоит перед классом с опущенными в пол глазами, а все тычут пальцами и смеются над ним. Ну уж нет, этого он не допустит, нужно срочно что-нибудь придумать. Как вкопанный стоял он за деревом, уткнувшись лбом в кору, пока его мозг судорожно искал как избежать позора. Как вдруг, что-то свалилось на него и с хлюпающим звуком расплылось по спинке. Нащупав густое пятно и, поняв, что это смола, Герман, не успев расстроиться, внезапно улыбнулся. Какая-то гениальная идея посетила его пушистую голову. Он сделал несколько шагов от дерева и, что есть сил, ударил по нему палкой. Сгусток смолы над ним слегка дрогнул, но так и остался на стволе. Тогда ежик, отойдя подальше для лучшего разгона, побежал на то самое упрямое дерево и на полном ходу, как могучий локомотив, пыхтя и выпуская пар, врзался в него лбом. Должно быть, вся деревня замерла на секунду, услышав этот удар, который эхом разошелся по всему лесу, спугнув стаю птиц за несколько километров отсюда. На какое-то мгновение, Герман, забыв чего хотел этим добиться, уже начал собираться домой, потирая ушибленный лоб, как огромная нерешительная капля накрыла его с головы до ног.

Когда класс, после долгой разминки, зашел в школу, Герман уже сидел за своей партой. К нему подсел толстенький ежик Борик, его школьный приятель. Борик был не особо активным. Не успев взглянуть на своего друга, он рухнул на парту.

– Привет Герман, – пробормотал он, не отрывая головы от стола. – Ты чего на гимнастике не был?

– Привет, я был... разминался за деревом, – ответил Герман почти правду.

– Я с ума сойду от таких разминок, – продолжил жаловаться Борик, а его друг наблюдал за тем, как жесткие иголки на его спине двигались в такт его неровному, учащенному дыханию. Ему так хотелось потрогать их, а еще больше хотелось иметь такие же на своей спине.

В это время мистер Гриб начал свой урок. Первым в его расписании оказался урок математики, который он начал с повторения уже изученных правил вычитания и сложения.

– А ты оброс-таки колючками, – прошептал Борик, улыбаясь, глядя на Германа. – Я же говорил, что вырастут твои иголки, а ты не верил.

Герману, который с помощью смолы хотел выдать свои мягкие волосы за жесткие колючки, вдруг стало стыдно обманывать своего друга. Желание рассказать правду было

настолько сильным, что он не мог усидеть на месте, ему захотелось убежать, домой, в лес, куда угодно от этого позора.

– Ты был прав, – промямлил он, сумев ненадолго заглушить свой стыд.

Слушали урок в тишине, лишь периодически, ученики, которых спрашивал мистер Гриб, вставали для ответа. Герман уже готов был смириться со своей ложью, как его одолело новое, ранее неизведанное чувство, сковавшее его движения и будто гвоздями прибившее его к стулу. Но это были далеко не гвозди, а смола, приклеившая его к стулу мертвой хваткой. Вот так поворот, подумал еж. Он принялся ругать себя мысленно, и очень надеялся, что его не спросят ни о чем, и он просидит так до конца занятий... а может и до начала зимы...

Время будто остановилось. Казалось, мистер Гриб уже целую вечность говорит о числах, яблоках, грибах, задает всем свои излюбленные задачки, попеременно показывая указкой то на одних, то на других учеников, призывая тех к ответу, или делая замечание об их поведении.

Нужно сказать, что в целом ежики были покладистые зверьки, но довольно рассеянные. Они то и дело забывали о чем только что говорили, или, когда становилось слишком скучно, могли начать баловаться, или даже заснуть. Мистер Гриб умел найти подход к маленьким баловникам. Он никогда не ругался, всегда был весел, а иногда даже и он, увлекшись, рассказывал что-нибудь своим ученикам, да так что не мог вспомнить к чему все это говорил, и с чего началось его бурное повествование. Но, в основное время, в классе царил порядок и тишина, которую разбавляли ответами на задачки ежата, когда указка обращалась к ним.

Так и сейчас, учитель взмахнул указкой, как волшебной палочкой и она остановилась точно на парте Германа с его товарищем. Сердце Германа замерло, сосед его лишь приглушенно храпнул.

– Борик не спи, – обратился к нему учитель. Борик тут же вскочил и как вкопанный встал возле парты.

– Я нет... я не спал... задумался чего то, – живо проговорил он.

– Тогда ты не будешь возражать, если я подкину тебе еще пищи для размышлений? – спросил учитель, сделав вид, что поверил ежонку, пока тот утвердительно махал головой, стараясь держать веки раскрытыми. – Представь, тебе нужно перенести из пункта А в пункт Б пятнадцать яблок...

– А что такое пункт А и Б, мистер Гриб? – озадаченно поинтересовался Борик.

– Ффф... – задумался учитель. – Пусть это будет яблочная роща на севере за деревней, а доставить яблоки нужно в пекарню...

– А для чего? – вкрадчиво уточнил ежик.

– Для того чтобы пекари испекли яблочных пирогов для празднования дня яблок.

– Но ведь он летом.

– Ну да, значит представь, что уже лето. У тебя есть тележка, в которую влезают только три яблока. Сколько раз ты проделаешь свой путь от рощи до пекарни и обратно?

– А можно взять с собой Германа? – деловито спросил Борик, – одному это тяжеловато.

– Хорошо, но ты усложнишь этим себе задачу.

– Как усложню, вдвоем ведь легче?

– Борик! – полные недоумения глаза мистера Гриба, казалось, вот-вот вылетят из орбит. Он был похож на ежа, который в одиночку тащит все эти пятнадцать яблок на себе. – Так сколько раз, ответь же уже?

Весь класс оживился, все начали активно считать, спорить из-за результата между собой, пытаться выяснить у мистера Гриба детали задачки, например, а будет дождь или жара, какой будет ветер, а те кто прослушали суть задачи, начали активно узнавать, когда уже будет праздник. Борик оживил весь урок, а сам тем временем стоял с видом ученого, изобретающего космический велосипед. Прищурившись, он смотрел вдаль, а в голове его должно быть разразился

вулкан мыслей, извержения которого очень боялся мистер Гриб. От того ли, а может от того что весь класс вышел из-под его контроля, он три раза постучал указкой по столу.

– Ну все, класс прекратите. Давайте же услышим ответ Борика, – не теряя терпения, произнес он, и все затихли в ожидании. Даже Герман забыл о своей проблеме и с умилением смотрел на своего друга, который хоть и не имел тяги и способностей к математике, но и не был полным глупцом. Читая много книг, он обладал крайне богатым воображением и был весьма впечатлительным, от того и думал порой ужасно долго. А после долгих дум, в таком состоянии, когда уже ждали его мнения о чем угодно, будь то книга, пирог, песня и тому подобное, он обычно изрекал одну из своих коронных фраз: либо "да-а, это невероятно" или "в принципе ничего удивительного". Но сейчас вопрос требовал конкретного ответа и, осознавая, что думать больше нет времени, он дал его.

– Три, мистер Гриб, – выпалил Борик.

– Так, давайте посчитаем теперь. Три яблока влезает в тележку. Три твоих захода на три яблока, это лишь девять!

– Но ведь я с Германом, он понесет одно.

– Хорошо, тогда три захода по четыре яблока, это двенадцать. Где еще три яблока?

– Как это где, – возмутился Борик. – Три раза сходить до рощи и обратно! Два яблока мы с Германом съели на полдник.

– А еще одно? Все равно не хватает еще одного! – недоумевал учитель.

– А вот этого я не знаю, может выронили по дороге, – виновато ответил ежик.

Класс снова разразился смехом, даже мистер Гриб улыбался и с удивлением чесал лоб.

– Пожалуй, это все на сегодня, – вяло пробормотал учитель и весь класс ринулся к выходу. Все кроме одного маленького, унылого ежика, который так и остался прикованным к своему стулу после того как все ушли.

– А ты чего же не идешь? – поинтересовался мистер Гриб.

– А я бы еще посидел тут часок другой, если вы не против.

– Что-то случилось? Потерял что?

– Скорее не приобрел, – угрюмо произнес он и встал из-за парты вместе со стулом, крепко прилипшим к его спине.

Герман вернулся домой уставший и ужасно подавленный, растрепанный, местами со слипшейся шерсткой, и резким запахом хвои и скипидара, которым мистер Гриб помог ему вывести смолу из волос и одежды.

– Как прошел день? – с порога поинтересовалась мама.

– Да ничего, – ответил Герман, поняв, что улизнуть в свою комнату незамеченным ему не удастся.

– Какой урок был?

– Математика.

– Что нового узнал?

– Узнал, как добывать смолу, и о ее уникальных клеящих свойствах, – пробормотал Герман.

– Да уж, с тех пор как я училась, многое изменилось в этой математике, – удивленно проговорила мама. – Чего только не придумают.

– Мам... – неуверенно начал малыш, усаживаясь к маме на колени. – Почему я не такой как все?

– Так ведь в том и есть прелесть всего живого, так распорядилась природа. Нет в Чудесном лесу ни одного листочка на дереве, который был бы в точности похож на другой.

– Но ведь все ежи с иголками, а я нет, – раздосадовано прошептал Герман.

– И у тебя они будут, просто видимо не пришло время. Такая твоя особенность.

– Уж лучше бы я имел какую-нибудь другую особенность.

– Не говори так. Все имеют комплексы по поводу своих недостатков, но важно помнить, что некоторые недостатки, это и есть особенности. И ты у меня самый особенный, самый красивый и самый... откуда этот запах? – мама задергала носом, внимательно разглядывая комнату и, зацепив взглядом настенные часы, стала торопиться на кухню.

– Пора накрывать на стол, скоро придут твои братья и сестры с учебы, и отец вот-вот должен вернуться с работы. Я приготовила яблочный пирог.

– Яблочный пирог? – хихикая спросил Герман. – А яблоки не из яблочной рощи случайно?

– Из нее, а что?

– Да так, ничего.

– Пойдем, поможешь мне, – позвала его мама. – И заодно расскажешь, чем это от тебя таким пахнет.

И они, весело смеясь, вышли из комнаты.

Глава 3. Кем не быть или быть некем?

На следующее утро Герман проснулся гораздо счастливее. Он встал намного раньше будильника, умылся, почистил зубы, собрался, схватил пару кусочков пирога и, поцеловав сонных маму с папой, выбежал на улицу.

– Куда это он в такую рань? – изумленно поинтересовался папа.

– За Бориком. Он хотел извиниться за то, что обманул его, – ответила мама и они, зевая, побрели на кухню.

Герман быстро добежал до дома своего друга и, так как комната его располагалась на первом этаже – не стал будить остальных членов семьи и постучал в окно. Хоть и не сразу, но, недолго сопротивляясь, Борик встал и подошел к окну.

– Ты чего в такую рань? – еле проговорил ёж.

– Хотел извиниться, пока есть время до школы, – с улыбкой ответил Герман.

– За что? За то, что разбудил что ли?

– Давай выходи, а то придется еще извиняться за то что не оставил тебе яблочного пирога, – сказал Герман, и это подействовало лучше любого будильника. Через несколько минут друзья сидели на бревнышке у ручья и уплетали пирог.

– А я сразу все понял, – сказал Борик, получив порцию извинений и признание Германа. – Я просто ждал, когда ты сам осознаешься.

– Ага, – весело отреагировал Герман. – Ты бы не заметил, если бы даже с тобой за партой сидел ни я, а старый дикобраз. И храпел ты так, что у меня смола начала таять, – друзья, немного посмеявшись, доели остатки пирога.

– Ну да. Ничего я конечно не заметил. Разве что запах от тебя был какой-то новый. Кстати на счет запаха, ты уже выбрал себе ремесло? – спросил Борик и вопрос этот был очень серьезным и важным. Ведь каждому ежу во втором классе следует определиться с ремеслом, так как следующий год обучения в высшей школе будет в основном по ремеслу, выбранному ими, после него они становятся подмастерьями.

Нет. Таков был ответ Германа, который он дал Борiku и самому себе. Вопрос был настолько острый, пугающий и волнующий, что при одной мысли об этом он впадал в ступор, а мысли заходили в тупик, так и не найдя лучшего ответа, чем короткое нет.

Отец Германа был счетоводом, а мать швеей. А так как ежи были очень консервативны во всем, они чаще всего от поколения к поколению занимались одним и тем же ремеслом, а это его категорически не устраивало. Жуть как не хотелось ему ни шить, ни считать, что то неумолимо тянуло его, что то волшебное сказочно интересное, не однообразное, что то чему возможно еще не дано названия, по крайней мере, в их маленькой мирке. Так и не сумев понять свой внутренний зов, Герман, чье сознание сильно взбудоражилось, твердо решил поговорить об этом с мамой "Она мудрая, обязательно даст совет" – подумал он.

– А ты выбрал? – задал встречный вопрос Герман.

– Я хотел бы работать в хранилище запасов или в пекарне, или на консервировочной...

– Борик закрыл глаза и мечтательно запрокинул голову.

– Но боюсь, что к еде меня вряд ли подпустят, – раздосадовано заметил он.

– Это почему еще?

– Шутишь, я так сильно люблю еду, что все решат, что я зазимую прямо там в хранилище, а когда все проснутся от спячки, то открыв священные двери хранилища, обнаружат там меня... и только меня. Никаких запасов, грибов консервированных, сушеных, яблок в сахаре, груш, компотов, капусты... – и пока они шли до школы, Борик перечислял и перечислял все, что только можно было законсервировать, вымочить, засолить, закрутить и засушить с упоением произнося каждый ингредиент.

В школе был урок правописания и чтения, читали наискучнейшую повесть в трех частях с таинственным и многообещающим названием "секреты и тайны вышивания", написанную много лет назад пожилой ежихой, прапрабабкой одноклассника Германа, Вениамина, который считал себя потомком какого-то графа. Но с ним мы еще познакомимся позже, а вернемся к литературе, которая была в таком прискорбном и плачевном состоянии, что сегодняшнее увлекательное путешествие в мир ниток был приключением по сравнению с прочими книгами. Все что писалось раньше и, иногда, писалось в это время, было, по большей части, пособием для различных ремесел, в которых подробно были выложены секреты мастерства, многолетний опыт поколений. Да конечно это было очень важно с точки зрения образования по всем профессиям, но стоит ли это читать маленьким ежатам, которые хотят радости и веселья. Думаю, нет.

Начитавшись вдоволь, ученики побежали гулять. Нужно же было как-то взбодриться. Герман решительно настроенный заняться своим будущим, гулять не пошел. Вместо этого он побежал к маме, она как раз была в швейной мастерской, где работала с двумя его старшими сестрами и другими ежихами.

Внутри мастерская напоминала ярмарку тканей, которыми были увешаны все стены и усыпаны столы, а за некоторыми столами они даже летали. Высоко подпрыгивая, чуть ли не до потолка, они плавно приземлялись на то же место, откуда пытались удрать. Подойдя поближе чтобы узнать причину их полетов, Герман обнаружил за одной из куч пожилую ежиху, суетливо роющую среди кусков разных материй, непрерывно нашептывая себе под нос: "красный ситец, красный ситец, красный ситец..." да с такой скоростью, что слова были еле различимы. Завидев любопытного ежа, дама замерла, слегка прикрыла глаза и чихнула так, будто терпела и откладывала это всю жизнь. Вся куча от такого порыва обвалилась, а дама приняла такой строгий и грозный вид, что Герман на секунду испугался и начал пятиться назад, но, так же, неожиданно лицо ее переменилось, глаза расширились в изумлении, улыбка расплылась от радости – красный ситец! – закричала она поросенком. – Нашла! – добавив это, она тут же вскочила и куда-то убежала.

За следующей кучей тканей сидела маленькая ежиха, она была старше Германа, но судя по всему только недавно начала работать. Она ничего не искала, а закрыв мордочку лапками, тихо плакала.

– Привет, я – Герман, – решил подбодрить ее он.

– Привет, я – Лерония, – утерев слезы, выговорила она. – А ты чего здесь? Никак на работу? Мой тебе совет – вдохни как можно больше воздуха и беги отсюда что есть сил, это место ужасно...

– Нет, я еще мал. И по правде сказать, еще не решил, кем хочу быть, но твой совет учту. А что с тобой случилось? – поинтересовался он.

– Я уже третий день ищу синий хлопок, и все безрезультатно, я обошла всю мастерскую вдоль и поперек и так ничего не нашла, – пожаловалась Лерония. – А ты? Раз ты не на работу, так чего пришел?

– К маме, миссис Грей, где ее найти?

– Следующая комната, там ты ее обязательно найдешь.

– Спасибо Лерония, и успехов в поисках. Уверен, ты найдешь что ищешь.

– Спасибо Герман.

Ежик вошел в следующую комнату. Комната была огромна, портнихи сидели за столами, кто-то шил пыхтя, кто-то напевая. Швей было много, и все они были заняты работой, не поднимая головы. Тут в комнату вошла ежиха и с порога выпалила:

– Радостная новость, девочки! У мистера и миссис Филипп на днях родятся детки, и по словам доктора... у них будет тройня, две девочки и мальчик.

Все с восторгом приняли это известие. И одна лишь истеричная дама, с которой мы уже познакомились, похлопав в ладоши, резко переменялась в лице.

– Божечки-ежечки, – воскликнула она, схватившись за голову. – Мы же ничего не успеем! Этих бы одеть, а тут еще одни! А они не смогут отложить это на недельку?

– Нет, Грета, – ответила ежиха с новостями.

– Тогда что мы сидим, мне еще нужно найти розовую фланелевую ткань, – сказав это, она пулей вылетела в предыдущую комнату в поисках нужной ткани. Остальные опустили головы еще ниже и начали работать вдвое быстрее, а Герман, найдя наконец маму, оторвал ее от дел чтобы поговорить.

– Что ты тут делаешь? Почему не гуляешь со всеми? Что-нибудь случилось?

– Все в порядке, просто у меня был неотложный разговор о моем будущем ремесле, но теперь очень захотелось обсудить твое.

– Давай, только очень быстро.

– Почему вы так долго ищете ткани?

– Ммм... – очевидный вопрос застал ее врасплох. – В последнее время столько работы, что совсем не до порядка, а когда и наведем, то очень быстро все снова приходит в такой вид.

– Ты уж конечно меня извини, – начал Герман деловито. – Но ведь искать один кусок ткани по несколько дней, так младенцы из семьи Филипп получают свои пеленки ближе к школе, а учебники будут носить не в портфеле, а заворачивать в эти пеленки.

– И что же ты предлагаешь? – поинтересовалась мама.

– Я думаю, что нужно рассортировать все ткани по типу и цвету, а для того чтобы порядок никогда не нарушался, у вас должен быть сортировщик, который будет заниматься только этим.

– Любопытно. Нужно об этом подумать. Так чего же ты хотел?

– Я думаю, какое ремесло мне выбрать, а как ты выбрала свое?

– Это в нашем роду передавалось от поколения к поколению.

– А если бы тебе это не нравилось? Как бы ты поступила в этом случае?

– У меня не было особого выбора, мы начинали шить раньше, чем говорить. Любовь к ремеслу приходит не сразу, главное приносить пользу обществу, бездельников никто не любит. Вот, например, мы шьем одежду, которая нужна всем, а кто-то делает ткани, которые нужны швеям. Тебе просто нужно найти, то, что ты умеешь лучше всего.

– Но я ничего не умею.

– Тогда к чему у тебя лежит душа.

– Вот именно, я ничего не видел такого, к чему бы потянулась моя душа.

– Попробуй сходить к отцу, вдруг ты прирожденный счетовод, – попыталась помочь мама и Герман, решив больше ее не отвлекать от работы, тут же направился к папе.

В отличие от мастерской, офис отца не был таким большим. Пара тесных кабинетов, с усыпанными бумагами столами, за которыми располагались несколько ежей, и они все разом клацали на калькуляторах. Герман подошел к столу отца и сел рядом.

– Привет малыш, – поприветствовал он сына, не отрываясь от расчетов. – Какими судьбами?

– Да вот со своей судьбой не могу разобраться.

– Что стряслось? – спросил папа, посадив сына к себе на колени.

– Я должен понять, к какому ремеслу у меня лежит душа, – ответил ежик.

– Хм... – задумался отец. – Может тебя конечно это расстроит, но работа взрослых ежей не всегда увлекательна и интересна. Зато она имеет очень большой смысл и пользу. Я например, считаю сколько нашей деревне нужно продуктов чтобы все были сыты и хранилище было заполнено едой, которой хватит всем после зимней спячки. А ведь кто-то эту еду собирает, кто-то заготавливает, а кто-то следит и вовремя сообщает об испорченных продуктах. Все эти

ежи важны, мы как одна семья, прикрываем друг друга делая каждый свое дело, – сказав это, он задумался.

– А мне то, что делать?

– Тебе? Ты о чем? Ах, да, – вспомнил отец. – Реши, чем бы ты мог быть полезен.

– Спасибо, – разочарованно вздыхая, ответил Герман. – Теперь-то я точно решу все свои проблемы.

– Ну, вот и славненько, а мне пора работать.

– Кстати, – спохватился ежик. – Слышал новость? В семье Филипп будет пополнение.

– Как? – удивился отец. Хотя вроде уже не ребенок, чему тут удивляться.

– Да, тройня, две девочки и мальчик, – добавил Герман, чем явно озадачил отца, а старый еж за соседним столом, видимо тоже услышавший эту новость, смял лист бумаги, который тщательно заполнял и переполненный досадой съел его.

Да уж, ну и дела, думал Герман, сидя у ручья со своим другом, где еще утром они поедали пирог. Они смотрели как течет ручей и говорили.

– Взрослые работают, не отрывая головы, неважно кто – швеи, счетоводы, пекари, им всем не до развлечений, – говорил Герман, пока Борик кивал время от времени и смотрел на воду. – Так что не думаю, что есть какой-нибудь смысл искать ремесло, к которому лежит душа. Наверняка и это со временем перестанет приносить радость, – друзья еще немного посидели в тишине и тоскливо побрели по домам.

Было еще рано, когда Герман подошел к своему дому. Медленно шаркая лапами, он вошел в пустой дом, как неожиданно с кухни раздался голос мамы и донесся аромат пирогов с вишней.

– А ты чего так рано? – ворвавшись в мамины объятия, спросил ежик.

– Я послушала твой совет, и мы все вместе навели порядок, рассортировав все ткани по типам и цветам. Кроме того выбрали кто будет сортировщиком и едва мы справились с этим, как работа пошла во много раз быстрее. Спасибо за совет, малыш, – и мама обняла его еще крепче. Надо же, только он был переполнен чувством неминуемой утраты детства, как вдруг совсем новое невиданное ранее чувство овладело им.

– Как же все-таки радостно быть полезным, мама, – сказал Герман. – А кого сделали сортировщиком?

– Новенькую ежиху, Лерония, кажется. Она так воодушевилась новым назначением, оказалось, что у нее талант все сортировать, – ответила мама, и от этого Герману сделалось еще радостнее.

Глава 4. Список Германа

Поняв, что быть полезным это вовсе не скучно, а наоборот, само по себе приносит радость, Герман отложил свои раздумья о будущем ремесле на потом. А сейчас же он предался чему и следует в его возрасте – занятиям в школе, стал учиться еще упорнее, играл с друзьями, и новому увлечению, которое до этого было лишь обязанностью, помощью своей семье. Он так увлекся, что в голове его созрел великолепный план. Герман прислушивался ко всему, о чем говорят родители и когда речь шла о том, что нужно сделать, он сразу записывал это, чтобы потом устроить им сюрприз. И вскоре список был готов. Теперь главное сохранить это в тайне, выбрать день, когда уроков меньше всего или вообще нет и дело в шляпе. Сунув список во внутренний карман своей школьной формы, Герман лег спать. И пока сон не накрыл его с головой, он мечтал как мама и папа придут домой, увидят, как дом сияет чистотой и порядком, а с кухни доносится аромат, только что приготовленного Германом блюда, и он с серьезным видом пригласит их к столу. Представлял как на безмерную благодарность родителей, он просто с легкостью махнет лапой и скажет: "не стоит благодарности, это все от чистого сердца...". И так ему понравилась эта фраза, что он захотел записать ее, чтобы не забыть, но уже ни руки ни ноги не слушали вялые команды его мозга, а глаза слиплись, что не раскрыть, и он уснул.

Пока Герман спал, мысли его пробрались глубоко к нему в сон и он увидел все, о чем мечтал до этого. Дом, который блестел от чистоты и порядка, и как он в мамином фартуке стоит у плиты и готовит что-то очень вкусное. Он как раз снимал пробу, когда в дверь позвонили, а он все никак не мог оторваться от ложки, до чего прекрасное вышло блюдо. Но звонок не переставал звенеть. Он был так настойчив, что Герман даже рассердился, но тут вдруг вспомнил, что это должны быть его родители и пошел открывать, а когда подошел к двери, звон прекратился, за дверью оказалось пусто. Пожав плечами, наш повар вернулся к своему фирменному блюду. Немного погодя, послышался звук шагов, и в кухню вошла мама, она была так счастлива, а он не вспомнив, что хотел сказать, просто улыбнулся и пожал плечами, тогда мама обняла его и, крепко взяв за плечи, начала трясти, повторяя: "Герман, Герман, вставай Герман, ты опоздаешь в школу!". Ежонок, поняв, что это был сон, и что звонок в дверь был его будильником, вскочил с кровати и пулей вылетел из комнаты. Хоть он и был еще очень мал, но он также был очень ответственным, никогда не просыпал и не любил опаздывать, предпочитая ждать самому, чем будут ждать его. Наверное, это чувство ответственности передалось к нему по наследству от папы. Он, будучи потомственным счетоводом, терпеть не мог не точность. Все часы в доме Греев шли секунда в секунду, за чем он с трепетом следил каждый день и не садился ужинать пока не обойдет их все и не убедится в их точности. Он точно знал сколько шагов до его работы – восемьсот двадцать три, сколько нужно время на просмотр утренней почты – три минуты пятьдесят секунд, он даже знал сколько иголок у него пять тысяч сто семьдесят шесть, и какой они длины. Иногда он так увлекался, что не мог остановиться, и за семейным ужином становилось тихо. В такие моменты вся семья молча смотрела на него пытаясь угадать, что пытается высчитать на этот раз их глава семейства, может считал за сколько раз прожует свой ужин, может еще что, но всегда это заканчивалось одинаково – миссис Грей делала серьезный вид, от которого он сразу приходил в себя и виновато улыбаясь говорил: "простите, задумался о том, сколько ягод в этом пироге", и начинал рассказывать что-нибудь интересное. Всем сразу становилось смешно.

Герману же было теперь не до смеха, он опаздывал на уроки! Он проспал! Прошли считанные минуты как он весь красный от стыда, второпях выбежал на улицу. Герман бежал что есть сил, перебирая в уме, что скажет, когда зайдет в класс. Ему не хотелось признаваться, что он проспал, но однажды он уже пытался всех обмануть, и это ничем хорошим не кончилось, поэтому решил сказать правду. Развив скорость ягуара, он почти прибыл на место. Но лишь

почти. Все бы ничего, если бы не эта дурацкая ветка, о которую он споткнулся и картинно, на зависть циркачам, плюхнулся в самую грязную лужу. Поняв, что начинает терять контроль, еж спокойно встал, отряхнулся, насколько это было возможно, и весь в грязи побрел в школу. В ботинках его хлюпала вода, к ушам присыхала на солнце земля. В таком виде он дошел до школы, а когда дошел, то увидел всех учеников на улице. Большинство носились по двору, играя в догонялки, кто-то просто стоял и болтал, кто-то, завидев Германа, уже успел похихикать над его внешним видом, кто-то еще только собирался. Был среди них ежонок Вениамин, который считал себя потомком какого-то графа. Я обещал, что мы с ним познакомимся и, похоже, пришло то время. Герман терпеть его не мог. Высокомерный, злой остряк, отпускал свои болочие, как пчелы, шуточки, от которых весь класс заливался от смеха, а обиженный заливался краской. А поскольку иголки его, в отличие от иголок Германа были на месте, то он не упускал случая пошутить над ним всякий удобный раз. Но сейчас случай был особый, наш бедолага стоял весь в грязи, чем и поспешил воспользоваться Вениамин.

– Что случилось? – смеясь, начал он. – Умыться забыл?

– Вообще-то... – начал было Герман, но тот его перебил.

– Хотя ты подожди немного, грязь высохнет и твой пушок станет похож на иголки, – весь класс засмеялся.

– Ну все, – грозно произнес Герман и пошел на обидчика злобно пыхтя, когда неожиданно во дворе появился мистер Гриб.

– Здравствуй дети! – начал он. – Извините, что заставил вас ждать, – он говорил, а все смотрели и не могли понять что-то в нем было не так, не было того задора и прыти, стоял опираясь на палку, а шея была странно изогнута.

– Я сегодня приболел и уроков вести не смогу.

– А что с вами, мистер Гриб? – спросил кто-то из учеников.

– Сам не знаю, проснулся, а шеей повернуть не могу. Так что сегодня я ко врачу, а вы уж как-нибудь без занятий денек, – закончил он и медленно зашагал по направлению к больнице, а ежата скрывая свою радость от того, что не надо учиться, убежали гулять.

– Что случилось? – спросил Германа Борик, – ты весь грязный.

– Странно, а я как-то и не заметил, – с улыбкой ответил Герман. – Какая удача, – воскликнул он. – Сегодня же нет уроков.

– Ну да, я тоже рад, – поддержал Борик, не совсем понимая друга.

– Нельзя медлить ни минуты, побежали в прачечную, – скомандовал Герман.

– Слушай, – решился задать вопрос Борик. – А ты часом головой о деревья больше не бился?

– Нет. Не бился, обошелся без этого, – и он рассказал, как упал в лужу, как впервые в жизни проспал, как испугался утром и что придумал сюрприз для родителей и о том, как писал список. Тем временем они уже были в прачечной. Герман обмотался в полотенце и загрузил школьную форму в стиральную машину.

– Это ты интересно придумал, – оценил его идею товарищ, – значит целый день у тебя теперь впереди, и ты наверно очень хочешь, чтобы твой друг тебе в этом во всем помог.

– Конечно хочу! Пожалуйста, если ты не занят, – попросил его Герман.

– Ну вообще то я хотел пролежать на левом боку до обеда, а потом на правом, но раз уж друг просит... – они посмеялись и тут же принялись за дело.

– Значит, начнем по порядку, – деловито убрав лапы за спину начал Борик. – У нас целый день, минус время пока выстирается твоя одежда, время на обед, полдник... пожалуй нам нужно торопиться. С чего начнем?

– Эээ... – странное чувство скребло Германа изнутри, он совершенно не знал с чего начать, он так был увлечен мыслями о результате, что сами дела были не так важны, лишь бы были приятны и полезны.

– Знаешь, а я даже и не помню, хорошо что я все записывал на листок, который убрал во внутренний карман школьной формы, которая сейчас стирается!

И они оба обернулись к стиральной машине, глядя, как с огромной скоростью крутится ее барабан.

– О Боже! – завопил Герман.

– Что случилось? – до сих пор недоумевал Борик. – Форма не та?

– Да вот именно, что та самая форма, в кармане которой мой список.

– Тогда нам все-таки придется подождать, – сделал вывод Борик.

– Да что ж ты за еж такой, Борик! Лист бумаги, на которой мой список в кармане формы! – Герман ткнул пальцем в машинку.

– О нет! – и Борик с досадой стукнул себя по лбу ладонью.

– Придется писать новый. Причем ооочень быстро, – с этими словами он достал из портфеля блокнот и ручку, и друзья стали думать.

Составить список заново оказалось делом не таким уж простым, и наши друзья, после недолгих раздумий, поняли, что совсем ничего не смыслят в делах взрослых.

Одежда была выстирана и высушена. Герман переоделся, и вместе с Бориком направился к себе домой.

Зайдя в дом, они постояли какое-то время молча, оглядываясь в поисках хоть какой-нибудь зацепки, опуская глаза в новый список, в котором одиноко красовалась цифра один.

– Нет. Так не пойдет! – резко оборвал их молчание Борик. – Чтобы понять чего они хотят, мы должны думать как взрослые!

– Но как это сделать?

– Это не так уж сложно. Фантазия взрослого ежа, довольно примитивна, наша же детская, наоборот, очень богата. Нужно просто мыслить поверхностно, – закончив, Борик направился к выходу.

– Ты куда, Борик? – насторожился Герман.

– Забудь о нашей дружбе, обо всем, что нас связывает, о том, что я Борик. Сейчас, я твоя мама, – он говорил это и глаза его становились больше с каждым словом, а мордочка была такой серьезной, что мысли о его безумии быстро развеялись в голове Германа. Борик вышел за дверь и зашел снова, весь понурый.

– Привет, Германчик, родной мой, иди, обними свою маму, – начал он вживаться в роль.

– Привет... мам... – неловко ответил тот. – Как прошел день?

– Устала как дикобраз, – он рухнул в кресло с протяжным оханьем. – А ты сделал уроки?

– Нет еще.

– О горе мне! – завопил Борик. – Какого балбеса я ращу! Ты хотя бы пирог испек?

– Я не умею, – ответил Герман, которому не очень была по душе такая мама.

– Научимся. Бери список, записывай первый пункт, пирог с яблок, – протараторил Борик своим голосом и пока сын, взбодрившись, записывал первый пункт, мам продолжал ворчать. – Белье одна я стираю, полы мою, пыль вытираю, помог бы кто матери, а стены...

– Что стены? – внимательно глядя на друга, спросил Герман.

– Это ужас. Этот цвет наводит на меня тоску.

– А какой же нужен?

– Не знаю, но хочется чего-нибудь веселенького. Так и запиши.

– Пожалуй, на большее не хватит времени.

– Тогда за работу, сынок. А я пока за краской побежал, – и Борик выбежал из дома.

Список был завершен и наш маленький друг принялся за работу. Много раз он наблюдал, как мама моет полы, так что это казалось ему самым простым. Он быстро нашел тряпку, набрал ведро воды и начал тереть ей пол, но тряпка была такая мокрая, что пол быстро превратился в одну большую лужу. "Должно высохнуть до маминого прихода" – подумал он, глядя на часы,

и принялся вытирать пыль. К моменту, когда и это дело подходило к концу, он так надыхался пылью, что, не выдержав больше начал чихать. После очередного громкого "апчхи" в дом вбежал Борик с двумя ведрами краски.

– Будь здоров, – хотел сказать он прямо с порога, но, поскользнувшись на свежeweымытом полу, упал, запустив одну из ведер с краской прямо в стену. Краска расплескалась по всей стене большой зеленой кляксой, а Герман смотрел на все это, раскрыв рот, и не мог пошевелиться от ужаса.

– Ну да ладно, – проговорил Борик, подняв голову. – Зато одна стена считай готова.

Осознавая, что времени оставалось не много, друзья схватились за кисточки и начали размалевывать остальные стены. Работа кипела. Ежата пыхтели. Краска летела в разные стороны, а когда все стены гостиной были озеленены, они вычеркнули очередной пункт из списка.

Да, не очень аккуратно, да, заляпали всю мебель, но результат то на лицо, вернее сказать на зеленых мордашках юных маляров.

И вот уже добрались они до белья, которого было две корзины.

– Вот ведь взрослые, – начал удивленно Борик, – две корзины и обе наполовину.

Они пересыпали все белье в одну корзину, взгромоздили ее на тележку и помчались в прачечную. А пока загруженное там белье стиралось, они вернулись чтобы завершить свой триумф яблочным пирогом.

Миссис Грей легкой неспешной походкой направлялась в сторону дома.

Вечер медленно распустил свои могучие крылья, желая заключить Чудесный лес в свои объятия. Солнце плавно опускалось к земле, стремясь за горизонт, будто там был его дом, в котором, с нетерпением, родные ждали появления своего любимого. И когда в доме открывалась дверь, и оно входило в него, небо озарялось яркими розово-красными красками радости встречи, после которой двери так же плавно закрывались и свет угасал, оставляя место ночи.

Когда дверь в дом Греев медленно и настороженно открыла его хозяйка, никакого яркого озарения не было. Она стояла на пороге и с ужасом смотрела на все вокруг. Пол был залит водой, жутко пахло краской, очевидно от стен, измазанных в зеленый и фиолетовый цвет, резало глаза от запаха гари, доносящегося из кухни. А из глубины этой комнаты страха, доносились хныканье маленького непоседливого ежонка. Мама подошла ближе, Герман сидел за диваном, свернувшись в клубок, и плакал.

Пожалуй, главное достоинство всех мам – это понимание. Ты не сказал ни слова, а мама уже все знает, читает все в твоих глазах, наклонах бровей, уголках твоих губ. Мама Германа не была исключением. Она села рядом с хныкающим комочком и начала гладить его. Тогда Герман зарыдал еще сильнее и, расправившись, крепко обнял маму.

– Прости меня, мамочка, – прошептал он.

– Ты хотел сделать мне сюрприз?

– Ага...

– И видимо мыл полы.

– Ага.

– И судя по всему пытался приготовить яблочный пирог, – продолжала спрашивать она, мягко улыбаясь.

– Пытался, – вздохнул ежик.

– Боюсь даже спросить, на сколько комнат хватило краски.

– Только на гостиную, – скромно ответил Герман.

– И тележка, в которой мы отвозим белье в прачечную, не на своем месте, тоже не к добру видимо? – с иронией спросила мама.

– Не к добру, – ответил Герман.

– Ну, что ж, ты пожалуй сходи пока в пекарню за пирогом, что зря слезы лить.

– Хорошо мама, – и ежик пошел.

Пока он шел, угрызение совести мучило его сильнее любого наказания. Столько дополнительных хлопот он принес вместо того чтобы помогать, Герман чувствовал себя обузой, неуклюжим, неумелым, бесполезным ежом, который все только портит.

С этими же мыслями, ругая себя за все сделанное, он брел обратно с огромным пирогом с грибами. А когда зашел домой, то вся семья уже была дома, сестры и братья смотрели на стены гостиной, хихикая и приговаривая: "во дает". Пол был сухой, но едкий запах краски и гари до сих пор не выветрились.

– А вот и наш разбойник, – потрепал Германа по голове папа. – В следующий раз затеешь ремонт, предупреди нас.

Все рассмеялись, и Герману стало легче.

Оказалось, что краской пропах весь дом, во всех комнатах гулял этот резкий и липкий запах, во всех, кроме комнаты Германа. То ли из-за расположения, то ли из-за плотно закрытой двери и приоткрытого окна.

Поэтому вся семья, этим вечером, собралась в его комнате. Они ели пирог, играли в игры, общались. А когда пришло время спать, папа принес для всех матрасы. Маленькая комната превратилась в одну большую семейную кровать, озарилась яркими красками радости, которая не погасла с наступлением ночи, а лишь нашла себе укромный уголок в сердце каждого из семьи Греев.

Глава 5. Мистер Гриб и таинственное исчезновение подушки

На самой окраине деревни, если не сказать за ее пределами, под огромной осиной, стоял одинокий маленький домик с оранжевой крышей. Передний двор был красиво украшен аккуратными клумбами с цветами, а на заднем дворе за грудой опилок и досок можно было найти массу интересных вещей, невиданных в здешних местах. Таких, например, как снегоступы, лыжи, деревянные мечи, нечто напоминающее крылья с ляжками как у школьного портфеля и еще много и много всего понятного только создателю.

В самом же доме было тихо и уютно. Кухня плавно переходила в гостиную, в которой у окна стоял стол с одним стулом, а в стене напротив был встроен камин. Наполняющий комнату ароматом хвои и монотонным потрескиванием, он, будто шепча, что-то рассказывал своему единственному слушателю, пока тот сидел рядом в кресле и писал в большом блокноте с надписью на обложке "О маленьких и великих" Э.Грибб. Аккуратно выводя буквы, он складывал из них слова, из слов слагались предложения, а предложениями заполнялись строки и как наводнение покрывали они страницу за страницей.

Еще какое-то время, еж не отрываясь, продолжал писать, пока часы, висящие на стене, не заиграли короткую красивую мелодию. Тогда он закрыл книгу, убрал ее на полку рядом с камином, затушил огонь в топке, и отправился на второй этаж, где располагалась его спальня.

Наверняка вы уже поняли, что хозяином дома с оранжевой крышей под большой осиной, был ни кто иной как мистер Грибб. И судя по обложке его блокнота, фамилия его пишется с двумя буквами "б" на конце, а не с одной как было написано ранее. Приношу свои извинения и вам, за то, что обманывал все это время и ему, за то, что исковеркал его славную фамилию, которой он должно быть дорожит.

Помимо интересной фамилии, была у него масса достоинств и странностей. Он очень любил маленьких ежат, а они любили его. Взрослые ежи его уважали, не говоря уже о ранее упомянутых слухах и легендах, что ходили о нем. Он был ежом очень светлым и позитивным, всегда мог прийти на помощь, дать совет или просто выслушать, да и вообще очень выделялся из общей массы этой маленькой деревушки. Не даром же никто даже не знал, как и когда он оказался здесь, чем занимался до этого, чем занимается кроме школы, кроме того, что мастерит какие-то невиданные приспособления на заднем дворе. Все так привыкли к нему и к тому, что он умел слушать, что никто и не задумывался, как он живет один и чем может быть заполнена жизнь одинокого ежа в их маленькой и скучной деревушке.

Если говорить о странностях, то проще описать его день, начиная с того момента, когда на первом этаже, настенные часы начинают вновь играть красивую мелодию, встречая ей рассвет.

С первых же нот этой мелодии, мистер Грибб встает с кровати, садится за столик рядом и начинает кропотливо рисовать то, что видел во сне. Это могло быть что угодно, но из многообразия, чаще всего это было связано с грибами.

Столик за которым он рисовал, например, был сделан из гриба, по рисунку, нарисованному им ранее. Причем, сделан на зависть деревянным столам, и так же как они покрыт лаком для долговечности. На новом его рисунке красовался еж, спящий на грибе вместо подушки.

Оставив свой рисунок на столе, мистер Грибб поспешил к завтраку, после которого оделся и ушел на занятия.

Школьной программы у него не было, все чему он учил ежат, бралось на ходу из огромного багажа знаний мистера Грибба. Потому из школьных принадлежностей в его портфеле была лишь указка, остальное же место занимали уже известный нам блокнот, небольшая пила, веревка и аптечка на случай если кому-нибудь нужна будет помощь.

После занятий по дороге домой, мистер Грибб завернул в небольшую грибную чащу в поисках подходящего гриба. Короткое время побродив по чаще, он увидел его, тот самый гриб как в его сне, такой же большой, с такой же красной шляпкой, с таким же успокаивающим ароматом.

Учитель достал из своего портфеля пилу, спилил ей гриб, после чего накинул на него веревку и потащил добычу домой на задний двор, творить свою очередную поделку.

Этим вечером настенные часы вновь оторвали мистера Грибба от своего блокнота, впрочем он сам незадолго до того украдкой поглядывал на часы, не пора ли ему ко сну. Так хотелось ему испробовать новую подушку, сделанную из шляпки гриба. Как маленький, он чувствовал восторг от приближающейся ночи, которая должна принести что-то новое в его однообразную жизнь.

Улегшись поудобнее, он быстро уснул. А на утро проснулся до своего будильника от сильной боли в шее. При этом лежал он поперек кровати, а голова свисала с кровати. В таком нелепом положении он и поднялся. Редкое утро у консервативного мистера Грибба начиналось не с рисунков своих снов. Забыв обо всем на свете, еж принялся разминаться, пытаться хоть как-то выпрямить шею, но все безуспешно. Отказавшись от своей затеи и поняв, что уже давно опаздывает, он собрался и пошел к доктору, по дороге зайдя к ребятам в школу, чтобы предупредить, что заболел и отменить занятия.

Доктор Бон был, пожалуй, единственным ежом во всей деревне с которым, время от времени, мистер Грибб любил проводить свой досуг, а мистер Грибб же был самым частым гостем доктора, при этом, будучи совершенно здоровым. Он приходил к нему раз в неделю, может чаще, они играли в шахматы, пили чай и беседовали. Хотя общих тем для разговора у них было мало, оба они были хорошими специалистами в своем деле, справедливости ради даже лучшими, и оба были умными начитанными ежами. Поэтому ни проблем с общением, ни споров, у них никогда не возникало. Каждый рассказывал что-то свое, а собеседник лишь слушал и, если требовалось, давал дельный совет.

Как-то раз доктор Бон обратился за советом к другу учителю. Ежата категорически не хотели лечить зубы. Тогда мистер Грибб предложил читать им что-нибудь из школьной программы, да поскучнее, и это сработало. Ежата слышали знакомый текст, который слушали раньше в классе, в полной тишине, засыпая, и замирали, словно под гипнозом, становились вялыми, ленивыми даже к капризам. В свою очередь, доктор Бон посоветовал мистеру Гриббу проводить с учениками гимнастику для глаз и для язычков, так как это полезно для зрения, улучшает речь, да и просто разрежает юнцов, дает им погримасничать вволю и с приподнятым настроением доучиться до конца уроков.

– С почином вас дорогой мистер Грибб, – поприветствовал доктор, подразумевая его первый визит в клинику в качестве пациента.

– Надо же когда-то начинать, – ответил мистер Грибб, а доктор принялся незамедлительно ощупывать шею и спину больного.

– Ну, все понятно. Судя по всему, вы просто спали в этой позе. Но как? Объясните мне.

– Да мой друг, вы правы, я проснулся в этой позе, но как я в ней оказался, ума не приложу. Я сроду не ворочался во сне, а тут... – рассуждал мистер Грибб в то время как док в несколько резких движений с хрустом вернул ему прежний вид. Пациент успел лишь выпучить глаза от боли и неожиданности.

– Я вам выпишу успокоительных для сна, похоже вы чем-то обеспокоены. Принимать перед сном, пять дней, – и с этими словами доктор протянул ему бутылек с таблетками.

– А сейчас, может партийку? – добавил он.

– Я бы с радостью, но меня еще ждут дела, – задумчиво ответил мистер Грибб. – Спасибо.

– Всегда к вашим услугам. Тогда до встречи, – сказав это, док вернулся к своему столу, а исцеленный, все такой же задумчивый, спешно вернулся домой.

Что-то смущало его, какие-то мысли не давали покоя, а интуиция вела его в свою спальню. "Так и есть" – подумал он, не обнаружив подушки на кровати.

Бывает, ты привыкаешь к чему-то так сильно, что это идет за тобой на протяжении многих лет. Вставать в одно и тоже время, пить только какао, ходить одной и той же дорогой, читать в определенные часы. И когда одна маленькая деталь нарушит работу огромного механизма, ты как поезд, сошедший с рельс, несешься по незнакомому шоссе, где все для тебя впервые. Сходил ко врачу, ворочался во сне (по его утверждению впервые, но откуда ему-то знать, он же спит, может не заметить), не нарисовал свой сон, отменил уроки, не писал ничего в своем блокноте вечером... Огромное незнакомое шоссе теперь лежало перед ним, а виной тому стала подушка из гриба, вернее ее исчезновение, как ни пытался он ее найти, к успеху это не привело. Что ж, раз уж это все из-за подушки, то единственное, что можно предпринять, это сделать ночью и постараться не спать, поймать вора, если конечно он сам ее не съел во сне, вот тогда действительно будет худо. Это будет означать, что он бродит во сне как истинный лунатик и ест все подряд, не контролируя себя. От этой мысли пробежали мурашки.

Оставив рассуждения на потом, мистер Грибб сделал новую подушку, положил ее на кровать, переодевшись и приняв лекарства, что дал ему доктор Бон, стал ждать.

Солнце тем временем, уже уступило место луне, а наш герой не спал, ходил по комнате туда-сюда. "Ничего не происходит, что же это могло быть? А если это и вправду я сам ее съел, тогда ведь я не узнаю, пока не усну, а когда усну, все равно не узнаю, потому что буду спать", – думал он. – "Как все запутанно. А если... а я..." – внезапное действие лекарств застало его расплех посередине комнаты и он с грохотом рухнул на пол и захрапел.

Наутро, мистер Грибб открыл глаза и обнаружил себя лежащим на полу. Вспомнив, что ходил по комнате и очевидно так и уснул, он встал и осторожно посмотрел на кровать. Подушки снова не оказалось на месте.

По дороге в школу и обратно, он как настоящий детектив думал о своем загадочном деле, стараясь мыслить хладнокровно и последовательно. Придя домой, он быстро сделал из гриба новую подушку, хорошо что гриб этот был огромен и его хватит еще как минимум на две такие подушки, положил ее на кровать, сам сел за стол с чистым листом бумаги и ручкой, начал рассуждать вслух. В очередной раз сделал что-то впервые, нарушив безмолвную атмосферу своего жилища, и открыв наконец ему свой голос.

"Предположим, что это я, значит я, уснув на полу, встал среди ночи, съел подушку, лежащую на кровати, и снова лег на пол. Но почему тогда я не лег на кровать? Может без подушки на кровати стало неудобно, – предположил он. – Нет, что-то не сходится. И он снова и снова распутывал этот таинственный клубок, но все оказывалось напрасно, его теории вели в тупик. И птица залетевшая через дымоход с грацией комара, не оставив и следа, и группа муравьев, аккуратно закрывших за собой окно.

Тем временем часы уже давно позвали его ко сну, и он, запутавшись в лабиринтах своих мыслей, решил все-таки послушать и лечь, но не спать, просто лечь и постараться не спать дольше, чем вчера. Поэтому он не стал пить таблеток, а наоборот, выпив несколько чашек кофе, улегся на свою подушку и принялся ждать.

Какое-то время это казалось ему интересной и увлекательной игрой, словно рыбак, который забрасывает леску с приманкой в озеро, а сам сидя на берегу, неподвижно ждет, когда поплавок скроется под гладкой поверхностью воды. Так и детектив Грибб ждал, когда кто-то раскроет себя, и он схватит его на месте преступления. Но ничего по-прежнему не происходило.

Прошло уже довольно много времени, от выпитого кофе ужасно хотелось в туалет, но на таком этапе отлучаться категорически было нельзя. Еж схватил свою волю в кулак и дал себе установку терпеть до победного. Кроме своей воли, ему периодически приходилось оттягивать свои веки, задирая их чуть ли не на лоб. Как он не старался, но справиться со сном ему не

удалось. Веки оказались настолько тяжелые, что трясущиеся ручонки, пытавшиеся их поднять, быстро сдались и упали на кровать.

Посреди ночи ёж резко открыл глаза. Видимо сильное желание справить нужду обострило его слух, раз он в такой глухой тишине, сумел уловить едва слышимый звук непонятного происхождения. Мистер Грибб лежал не шевелясь, и весь превратился в слух. Это определенно было какое-то чавканье и доносилось оно прямо из-под подушки.

– Кто там? – повторил свой вопрос мистер Грибб и, вскочив с кровати, встал рядом с ней.

– Я, – спустя паузу ответил кто-то из-под подушки.

Не ожидая такого ответа, ёж замешкался и продолжил свой допрос.

– Кто я?

– Харитон! – гордо ответил голос.

Мозг мистера Грибба судорожно бился в панике, ища хоть каплю смысла в этом диалоге.

– Что ты там делаешь? – спросил ёж с большей уверенностью.

– Жую.

– Зачем?

– Ну ты и кактус! Если я не буду жевать, то заработаю себе несварение.

Это окончательно вогнало в ступор бедного ежа, какое-то невидимое существо говорило с ним так нагло, если не сказать хамовато, да еще и кактусом обозвало. Взяв себя в руки, он продолжил, уже ставший ему неприятным, разговор.

– Что ты здесь делаешь?

– А это надобно у тебя спросить, – отвечал наглец.

– Кто ты? – начал по новой мистер Грибб.

– Я грибной червь, весьма благородных кровей, вероятно, что и королевских.

– "Уже лучше", – подумал ёж, а вслух спросил. – Что ты тут делаешь? В смысле, как оказался в моем доме?

– Сам не знаю, – признался червь. – Сижую я, понимаешь, дома, никого не трогаю, вдруг какой-то идиот спиливает мой дом и уносит меня сюда, ответил он, проделав дыру в грибной подушке, и на поверхности появился зеленый лупоглазый червячок. Пристально посмотрев на покрасневшего от стыда ежа, он спросил: – А ты случайно ничего об этом не знаешь?

– К сожалению, я и есть тот идиот, – ответил мистер Грибб, виновато склонив голову.

– То-то, мне твоя морда сразу не понравилась.

От этих слов интеллигентнейший мистер Грибб сконфузился еще больше, ему было неудобно за разрушенный им дом червяка и в то же время столь наглое поведение вызывало у учителя, имеющего железное самообладание, нервозность и даже гнев.

Заметив это в хозяине дома, нахал расплылся в широкой улыбке и мягко проговорил:

– Да ладно, не дрейфь... поживу у тебя пока, – от этих слов ежу совсем стало дурно.

– Нет уж дружок! – воскликнул он, и схватив червяка, направился к выходу. – Я могу стерпеть многое, но подобного хамства в своем доме не потерплю. Сейчас я найду гриб еще больше того, что спилил и это будет твой новый дом. Ты мне еще спасибо скажешь.

– Да ты чего такой колючий? Обиделся что ли? Это ж я не со зла, ёж, – начал оправдываться червяк когда они подошли к входной двери, он бившийся в лапах ежа в панике завопил.

– Неет! Не делай этого со мной, как же ты не понимаешь, что я теперь не найду себе дом. – Сказал он это и заплакал в отчаянии.

– Это почему же еще?

– Потому что все эти грибы уже заняты другими. А мой срубил ты! И теперь я остался без жилья, без крыши над головой. Когда пойдет дождь, я буду барахтаться в лужах и, не сопротивляясь, плыть по течению в какую-нибудь глубокую канаву, а когда буду тонуть, простону твое имя. – Харитон перестал плакать на мгновение. – Как, кстати, тебя зовут?

– Мистер Грибб.

– Ну и дал же бог имечко, – прокомментировал червяк и продолжил причитать. – И когда я буду тонуть, я простону... – и он будто набрав в рот воды, протянул, – Мыстыр Хрыыып, – затем Харитон закатил глаза и, будто потеряв сознание, свесился с лапы ежа.

Мистер Грибб присел на ступеньку лестницы на второй этаж и, задумавшись, посмотрел на своего гостя. Харитон же открыл глаза и умоляюще посмотрел на него.

– Ладно, поживешь пока у меня. Но только без хамства и твоей этой наглости, а не то, я найду ту самую канаву и ты даже не то что мистер Грибб, а даже "сэр" не успеешь сказать.

– Спасибо сэр мистер Грибб, – сказал Харитон и прижался к лапе ежа.

В голове мистера Грибба царил хаос. Локомотив, сорвавшийся с рельс, все дальше и дальше удалялся от железной дороги, пока вся его размеренная жизнь трещала по швам.

А в комнате на его прикроватном столе одиноко лежал его последний рисунок, с ежиком в ночном колпаке, тихо спящим на красивом большом грибе, в шляпке которого едва можно было различить маленькую дырочку и два озорных огонька смотрящих из глубины гриба.

Глава 6. Дедушка Леонард

После долгой волшебной ночи, проведенной всей семьей Грей в комнате Германа, наступило прекрасное утро. Все члены семьи просыпались, глядя друг на друга, улыбаясь и со смехом вспоминая те нелепые обстоятельства, которые их сюда привели. А может это и есть судьба, когда что-то идет не совсем так, или может, совсем не так, как было запланировано, приводя в итоге к самым неожиданным, непредсказуемым, порой удивительным последствиям. Если это и вправду она, то ее любовь к Герману очевидна.

Проснувшись самым последним, он сразу увидел довольные улыбки братьев и сестер, которые пожелали ему доброго утра, поспешно убирая за собой спальные места. Как не хотелось ему встать! Казалось, ночь пролетела одним мгновением. Он тер глаза, нежилась в кровати, заразительно зевал, натягивая одеяло до ушей, такого прекрасного утра невозможно испортить ничем, думал он, зевая в очередной раз чуть ли не до вывиха челюсти. А когда он закончил и открыл глаза, то над ним стоял грозного вида папа. Брови его были нахмурены, руки уперты в бока, пристальный взгляд осуждал и ругал сильнее всяких слов. Суровый вид сглаживала лишь розовая рубашка, надетая на нем.

Герман сразу вспомнил про белье, которое увозил в прачечную и, кажется, понял зачем оно было разделено на две корзины и, с досадой о том, что не понял это раньше, неуверенно пробормотал:

– Прости пап.

– Ну и как ты себе представляешь, я появлюсь в этом на работе? Да что там работа, я пока до нее доберусь, соберу вокруг себя толпы улыбающихся соседей, – и отец пошел собираться дальше, а все оставшиеся в комнате в тоже мгновение помчались прочь, видимо проверить свои вещи.

Судьба, собравшая всю семью в комнате Германа прошлой ночью, на утро решила объединить ее одним цветом рубашек, которые мило смотрелись на ежихах, но довольно нелепо и смешно на ежатах. Возможно, все дело было даже не в самих рубашках, а в глуповатых физиономиях ежат, когда они их надевали. Как бы то ни было, но придя в школу, этим утром Герман произвел настоящий фурор. Смеялись все, за исключением мистера Грибба и Борика, который тоже был причастен к той стирке и теперь чувствовал себя виноватым.

– Дети, хватит! – обратился к классу учитель. – Что здесь смешного?

Почти все ученики перестали смеяться. Кроме конечно Вениамина, который ухахатывался с новой силой.

– Малышка похоже заблудилась, – обратился он к Герману сюсюкающим голосом. – Беги скорее к маме, она наверно места себе не находит, – и вновь стены школы содрогнулись от смеха.

– Не будем терять время, – оборвал мистер Грибб. – Все выходим на школьный двор, сегодня у нас практический урок выживания.

Все последовали за учителем во двор, кто-то шел улыбаясь, кто-то еще хохоча. Герман был весь красный от стыда и неприязни, а Вениамин от смеха, который так и не заканчивался.

Учитель собрал детей вокруг себя и приступил к занятиям.

– Сегодня мы поговорим о защите от диких зверей.

– Зачем нам это учитель Грибб? – спросил Вениамин. – Бабушка говорит, что наш Чудесный лес – самое безопасное место на свете, и ни один хищный зверь сюда не сунется.

– Верно подмечено, но надолго ли? Кто знает, какие сюрпризы приготовила нам природа. Возможно, что когда-нибудь все изменится и нам вновь придется искать безопасное место для жилья. А может, кто-то просто, заблудившись попадет в Черный лес.

– Хотел бы я взглянуть на балбеса, который туда сунется, – констатировал Вениамин.

– А что это за звери, от которых нам нужно защищаться? – спросил Герман.

– Это могут быть как звери, так и птицы. Среди зверей особо опасны волки, лисы, среди птиц – совы, филины и многие другие о которых мы еще узнаем на теоретических занятиях. Кто скажет, какое главное преимущество есть у ежей над другими животными?

– Ясный ум? – оживился Борик.

– Нет.

– Врожденное обаяние? – продолжил ученик.

– Нет.

– Иголочки! – воскликнул Мартин, один из лучших учеников в классе.

– Правильно Мартин, именно иголочки – наше с вами огромное преимущество над всеми другими животными. Причем единицы ежей умеют правильно их применять и еще меньше знают все их возможности. Что нужно делать, если к вам подобрался какой-нибудь хищник?

– Свернуться в клубок, – быстро ответил Вениамин и тут же продемонстрировал свои навыки, свернувшись в маленький колючий шар.

– Верно, – одобрителем кивнул мистер Грибб. – Но, что же можем мы сделать, если враг не уйдет и будет настойчиво вас поджидать?

Все задумались, но никто не взял на себя смелость попытаться ответить.

– То, что я вам сейчас покажу – очень сложный и секретный прием ежей. Возможно, что никто его так и не сможет исполнить, ведь для этого нужны месяцы, а то и годы упорных тренировок.

Мистер Грибб повесил на дерево маленькое яблочко и, отойдя от него, велел детям расступиться чуть дальше для безопасности. Сам же вдохнул полную грудь воздуха, согнулся, вздыбил колючки и хлоп! Игла из загрызка ежа вылетела пулей, пронзила яблоко, пригвоздив его к дереву.

– О-о-о!!! – хором воскликнул класс и все разом зааплодировали.

– Кто-нибудь хочет попробовать? – улыбнувшись, спросил учитель.

– Герман хочет! – вскрикнул Вениамин и засмеялся, а вместе с ним и остальные ежата.

– А может ты, Веник, сам попробуешь? – обиженно ответил Герман. – Или тебе слабо?

– Да запросто!

Учитель вновь повесил яблоко и отошел. Вениамин вдохнул полной грудью, согнулся, напрягся и вздыбил колючки, но ничего не произошло. Ежик встрепенулся, вновь вдохнул глубоко, и напрягся еще сильнее. Мордочка его стала красной, казалось, что щеки вот-вот лопнут, а глаза вылетят из орбит. Еще около минуты стоял он так, чуть ли кряхтя и багровея, пытаясь заставить свои иголочки слушать его и выстрелить в цель, но вместо этого он, наконец, силой выдохнул и рухнул на землю.

– Можно я попробую? – спросил Борик, после того как Вениamina привели в чувство.

– Пожалуйста, – разрешил учитель.

Борик повторил все в точности за его предшественником. Он зеленел, синел, краснел, напрягаясь что было сил, но вместо того чтобы запустить иглу в яблоко, он с протяжным громыанием пукнул, да так, что трава вокруг него прижалась к земле, а у еле оклемавшегося Вениamina подкосило ноги, закатились глаза, и он вновь упал на траву.

Все начали хохотать, а Борик с виноватым видом мило улыбнулся.

– Пардон, – извинился он.

Поняв, что больше сегодня своих учеников мистер Грибб ничему не научит, он закончил урок и отпустил всех домой.

– Чем собираешься заниматься? – спросил Борик у друга, когда они вместе шли в сторону дома.

– Папа отправил меня помогать дедушке в саду. Тот еще денек предстоит.

– А я наоборот люблю помогать дедушке, он у меня такой славный, если не считать того, что он вечно треплет меня за щеки и называет своим пузанчиком. Но в качестве компенсации, всегда дает что-нибудь сладенькое.

– Повезло. Мой только ворчит, либо молчит. Он даже на праздники к нам не приходит. Все время проводит в своем саду.

– Может он обиделся на тебя? – предположил Борик.

– За что это?

– За то, что редко к нему приходишь.

– Ну не знаю, папа говорит, что он всегда был таким.

– А ты спроси его сам.

После этих слов друзья распрощались и разошлись в разные стороны. Герман направился мимо своего дома напрямик к ручью, у которого они с Бориком любили сидеть, пуская кораблики или просто кидая камешки. Ручей этот был довольно широким и глубоким. Он пересекал всю деревню, уходя вглубь леса, а летом пересыхал, оставляя после себя глубокую борозду, которая вновь наполнялась водой после каждого дождя. Так как он делил деревню почти пополам, а перепрыгнуть его сумел бы, пожалуй, только заяц, предприимчивые ежи наделали крепких мостов для перехода на другую сторону и обратно.

Дедушка Германа, Леонард, как раз жил на другом берегу ручья. Дом у него был совсем не большой, но вполне уютный для проживания одному. На заднем дворе располагался огромных размеров сад, который состоял как из открытых клумб, так и закрытых оранжерей. Леонард очень любил цветы, и все время проводил в оранжереях.

На подходе к дому стоял сладкий цветочный аромат, в самом же доме было тихо и темно, Герман постучал, но так и не получив ответа, прильнул лицом к окну, посмотреть есть ли кто дома.

Не увидев ничего и никого, кроме грязной посуды, составленной в раковине, паутине в углах и слое пыли на мебели, ежик направился на задний двор, откуда и исходил чарующий и манящий аромат.

Сад был действительно огромен и огражден высоким забором с грубой, но четкой надписью на табличке "Убирайтесь! Частная собственность". Из-за забора виднелись огромные цветы на толстых стеблях, они тянулись к солнцу, и, возвышаясь над крышей дома, плавно качали головами под музыку ветра.

Герман отворил калитку и невольно раскрыл рот от удивления. Никогда в жизни он не видел ничего подобного. Все в буквальном смысле было в цветах, забор, который снаружи был серый и неприглядный, внутри покрывался вьющейся зеленью с маленькими цветочками цветов радуги, а впереди располагалась красивейшая клумба, как пирог разрезанная тремя прямыми тропинками на равные части. Тропинки эти вели к трем крытым оранжереям, сквозь мутные стекла которых виднелась лишь яркая, сочная зелень с красными, розовыми и желтыми вкраплениями. Окно крыши одной оранжереи было приоткрыто, и через него струился густой голубой дымок, переливающийся то в розовый, то в оранжевый цвет. Туда и решил войти ежонок.

Воздух внутри был такой влажный, что казалось, что можно его пить, от ярких красок пестрило в глазах, а сладкий запах, очевидно, доносящийся с другого конца оранжереи, где стоял тот самый розово-оранжево-голубой дымок, приносил во влажный воздух аромат лимонада, вкус которого наполнил рот и нос Германа уже к середине пути.

Ежик медленно шел по тропинке, с удивлением оглядываясь по сторонам. Некоторые цветы при виде его, будто приветственно махали ему листьями, некоторые отворачивались, а другие стыдливо становились красными, закрывая свои бутоны огромными листьями. За последним колючим извилистым кустарником он разглядел ежа. Герман подкрался поближе, чтобы лучше его разглядеть. Это был пожилой еж, крупных размеров, одетый в фартук и трусы

в красный горошек. Он стоял у плиты, что-то бормоча себе под нос, он помешивал в бурлящей кастрюле, периодически подсыпая какую-то зелень, от которой дымок приобретал новый цвет и аромат. По всем описаниям родителей, это был дедушка Леонард, которого Герман видел лишь пару раз, да и в тот раз он был очень мал, чтобы его запомнить, а встреча была настолько скоротечна, что зевая, он мог его просто не заметить.

Ежик подошел чуть ближе и попытался отогнуть ветку, мешавшую обзору, но стоило ему к ней только прикоснуться, как все растение затряслось и зашелестело.

Еж у плиты резко обернулся и скрипучим голосом завопил:

– Что?! Кто?! – к этим крикам добавились другие, когда он, задев локтем кастрюлю, уронил ее прямо на пол.

– Ах ты ежовый хмель! Тысяча шмелей! Ты что читать не умеешь?! Это частная собственность! Выпороть бы тебя как следует! – он кричал, а ежик весь бледный стоял как вкопанный и не мог пошевелить ни ртом, ни лапами. Он судорожно искал у себя в голове хоть что-то полезное для выхода из подобной ситуации, но память издевательски повторила ему слова Борика о своем дедушке, от которых в воображении у Германа разыгралась сцена, где этот старый, злой еж с силой тербит его за щеки, приговаривая: "ах ты мой ежовый хмель". Герман уже не слушал проклятий, что сыпал на него дед, и, поняв, что встреча не задалась, побежал со всех ног прочь.

Леонард, накричавшись вдоволь, поднял кастрюлю и поставил ее на плиту, где в маленьком зеркале напротив, увидел свое отражение. Брови нахмурены, волчий оскал, бешеные глаза, дыбом седые иголки. Одним словом монстр. Лицо его смягчилось, он присел на табурет стоявший рядом и, поняв что перегнул палку, начал то корить, то оправдывать себя, винив глупого юнца в розовой рубашке.

Когда здравый смысл, наконец, преодолел завесу ужасного ханжества, Леонард отправился на поиски ежонка, – "хоть проверю все ли в порядке, а не то вдруг заикается до сих пор", – думал он, закрывая калитку на тяжелый замок.

Уже давно он не выходил за пределы своих владений. Ни нужды, ни желания в этом у него не было. Продукты ему, как и всем пожилым ежам, доставляли работники хранилища, что касается одежды, то стирал он ее сам, прямо у себя в саду, а так как почти не выходил, то и из одежды были лишь пара домашних комплектов и входной костюм, который, отряхнув от пыли, он надел и сейчас. Выйдя на улицу, где ничего не изменилось с последнего его пребывания здесь, да и за последние несколько лет ничего не изменилось, он направился в сторону начальной школы. Вряд ли этот мальчуган был старше для того чтобы перейти в высшую школу, а если так, то мистер Грибб, без труда должен опознать владельца столь приметной розовой рубахи.

Мистер Грибб сидел за своим столом. Подперев голову лапами, он мирно посапывал, пока глаза его находились в полуоткрытом состоянии.

– Добрый день, мистер Грибб, проскрипел Леонард, отчего учитель вздрогнул и подняв голову, удивленно посмотрел на посетителя.

– Здравствуйте Леонард. Какими судьбами?

– Меня интересует, не у вас ли учится любопытный юнец в розовой рубашке? – глаза учителя еще больше расширились от удивления.

– У меня. И если я вас правильно понял, это ваш внук Герман.

Леонард сконфузился на мгновение, но виду не подал.

– Да конечно. Я что, по-вашему, внука своего не узнаю? Я бы хотел поинтересоваться, как он учится? – выкрутился дедушка.

– Учится хорошо, усваивает все... – мистер Грибб начал было вдохновенно рассказывать об успехах внука его деду, согласитесь ведь всегда приятно сказать о ком-то что-то приятное, особенно близкому родственнику, как тот быстро перебил его.

– Ну вот и славно! Всего вам хорошего! – и он спешно покинул школу, оставив мистера Грибба в еще большем замешательстве.

Неожиданный результат поисков застал врасплох старого скрягу Леонарда, который, уже смирившись с тем, что обидел ежонку, теперь вновь весь горел от стыда. Мало того что он даже не узнал своего внука, он еще и обрушил на него весь свой гнев. И чем ближе подходил он к дому своего сына, тем сильнее было чувство стыда, пока, наконец, совсем отчаявшись, он не развернулся и не побрел домой.

Вернувшись в свое логово, Леонард быстро избавился от костюма, который сегодня жал еще больше, нашел ручку, совершенно чистый и не мятый лист бумаги и принялся писать письмо Герману.

Весь оставшийся день Герман проходил хмурнее тучи. Из головы никак не выходил чудесный сад, прекраснее которого он никогда ничего не видел, а теперь и вовсе не знал, увидит ли вновь. Горестным осадком сложилась встреча с дедушкой, как бы он хотел, чтобы у него был добрый и ласковый дедуля, который бы баловал его, играл с ним, трепал за щеки, давая разные задорные прозвища, а не засыпал бы ругательствами и прогонял вон со своей частной собственности.

Вечером, когда пришли родители, он рассказал им, что произошло. Папа лишь тяжело вздохнул, крепко обнял сына и сказал: "не принимай это на свой счет Герман. Возможно, он даже не узнал тебя, посмотри, как ты подрос", – и он защищал Германа, отчего ежонку стало тепло и легко на душе.

А позже, когда позвонили в дверь, отец пошел открывать, он выглядывал из-за угла в надежде, что это дедушка пришел навестить их и извиниться за грубости, что наговорил днем. Но это оказался лишь посыльный, и Герман слегка понурый ушел в свою комнату. Через минуту за ним последовал папа. Он вошел, в руках его был какой-то конверт и он, широко улыбаясь, протянул его ежику.

– Что я говорил? – сказал он.

Герман подскочил, схватил конверт, он даже не стал ни предполагать, ни мечтать, что в нем и от кого, чтобы не обнадеживать себя лишний раз. Быстро его разорвав, он принялся изучать содержимое: "Герман, днем вышло недоразумение. Извини. Жду тебя завтра в любое время. Твой дедушка Леонард". Это было кратко, но очень мило. Герман был вне себя от радости. Завтра он вновь отправится в этот прекрасный сад к своему дедушке. С этими мыслями ежик положил письмо под подушку и лег спать.

Глава 7. Голод на выдумки хитер

Когда мистер Грибб из своего великодушия или душевной простоты, позволил червяку с громким именем Харитон, пожить у себя какое-то время, он даже не предполагал какие последствия может повлечь за собой его решение. Не думал он, что это может в корне изменить его жизнь, или жизнь всей деревни в целом, с ее крепкими укладами, многолетними традициями и устоявшимися негласными законами.

Приспособив маленькую коробку в качестве кровати для червя и, определив в качестве места его ночлега полку над камином, он вернулся в свою кровать, где провел остаток ночи, анализируя свой поступок, пытаясь убедить себя, что делает доброе дело и вреда от него не будет. Вскоре мысли его начали путаться, веки став тяжелыми захлопнулись, и он засопел, погрузившись в глубокий сон. Осознание благородного дела не покидало его и там, но больше всего согревала определенность в деле о грибной подушке, которое он с блеском раскрыл, а теперь был спокоен практически как раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.